

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

Кирилл Казанцев

Кремлевские войны

Серия «Оборотни в законе»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314522

Кирилл Казанцев. Кремлевские войны: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63389-0

Аннотация

В среде кремлевских чиновников произошел раскол: одни выступают за классические методы управления государством, другие – за инновационные, в том числе не совсем законные. Представители двух противоборствующих лагерей, прямо скажем, не жаловали друг друга, но до открытой конфронтации дело не доходило. До недавнего времени... Но вот сторонники инноваций решили пополнить бюджет, создав государственную финансовую пирамиду. Проект отдает явной уголовщиной и способен очернить действующую власть. Консерваторы не намерены этого допустить. Они объявляют «инноваторам» войну...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	67
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кирилл Казанцев

Кремлевские войны

Глава 1

Секретное совещание

Сворачивая с шоссе, машина притормозила, и это отвлекло пассажира от его занятия – просмотра очередного доклада. Алексей Константинович поднял глаза от экрана планшетника и огляделся. Миновав поворот, «Мерседес» снова набрал скорость и теперь мчался по неширокой, идеально гладкой дороге. Миновали короткий мост – мелькнула и пропала узкая лента реки, – свернули немного левее. По обе стороны от дороги тянулся чистый, без подлеска, сосновый лес.

«Так это уже Заветное!» – догадался Тарасов. Опустив стекло, он вдохнул насыщенный сосновым запахом воздух. «Сейчас бы выйти, пройтись, – размышлял вице-премьер. – Подняться вон на тот холм... Оттуда, наверное, открывается замечательный вид: излучина реки, луг на закате... Да, это можно было бы написать!» Лишь очень немногие из окружавших Тарасова людей знали, что любимым занятием этого крупного государственного деятеля является живопись. А в последние несколько лет поиск сюжетов, подбор нуж-

ных оттенков цвета стали его настоящей манией. И это при том, что времени для того, чтобы удовлетворить эту страсть, становилось все меньше и меньше. Как-то так вышло, что и на Старой, и на Красной площади Тарасов стал буквально незаменим. Это был порочный круг: чем хуже шли дела в стране, тем более выверенные рекомендации от него требовались. А чтобы их дать, надо было постоянно перерабатывать гору информации. И он перерабатывал эту информацию, придумывал точные, практически идеальные решения. Многие из его рекомендаций – кроме самых основных, радикальных – принимались. Дела чуть улучшались, но потом снова шли под уклон. И от него требовали новых предложений. Но чем лучше он работал, тем меньше времени оставалось на единственное дело, доставлявшее чистую, незамутненную радость.

Вот и теперь он, конечно же, не мог позволить себе поднаться на так понравившийся ему холм. Да что там холм – просто выйти на пять минут из машины и то не мог. На 20.00 в правительственной резиденции «Заветное» было назначено важное секретное совещание, и до его начала оставалось всего пять минут. И хотя совещание это назначил он сам и был на нем главным лицом, опоздать он никак не мог: все в правительстве знали о пунктуальности вице-премьера. Поэтому Алексей Константинович вздохнул, покачал головой, откинулся на мягкую спинку сиденья и стал любоваться проносившимися мимо видами – хоть это он мог себе позволить.

Машина пересекла еще одну речку. Лес стал еще чище, сосны – крупнее; появились посыпанные гранитной крошкой и мелким гравием дорожки, аккуратно подстриженные лужайки. Затем впереди возникла уходящая в обе стороны ограда (вторая, внутренняя; внешняя шла вдоль шоссе) с чугунными парковыми воротами. При приближении «Мерседеса» они предусмотрительно распахнулись. Машина замедлила ход и остановилась перед изящным старинным особняком. Возникший ниоткуда охранник распахнул дверцу. Алексей Константинович вышел, еще раз окинул взглядом окружавшую его красоту и взглянул на ожидавшего его секретаря.

– Добрый вечер, Алексей Константинович! – приветствовал его секретарь. – Все уже в сборе.

– Даже Белозерский? – поднял брови Тарасов.

– Прибыл две минуты назад, – сообщил секретарь, позволив себе подобие улыбки. Николай Демьянович Белозерский был министром внутренних дел, и чиновникам правительства он не подчинялся – только Самому. А потому на различные совещания, проводимые вице-премьерами, куда его настоятельно приглашали, никогда не являлся, присылая заместителей. Однако авторитет Тарасова был таков, что для него даже Белозерский делал исключение – приезжал лично. Правда, всегда опаздывал.

– Наверное, сегодня какой-то исключительный вечер, – заметил Алексей Константинович, поднимаясь в сопровож-

дении секретаря на второй этаж. – А Быстров?

– Нет, Алексей Константинович, – ответил секретарь и осуждающе покачал головой.

Павел Федорович Быстров был главой Следственного комитета. Он также не подчинялся вице-премьеру экономического блока Тарасову. И в отличие от главы полицейского ведомства не боялся испортить с ним отношения. А потому демонстративно не являлся на назначаемые Тарасовым совещания.

О главе ФСБ ТочиLINE Алексей Константинович и спрашивать не стал: он и так знал, что всесильный главный чекист никого в правительстве не признает и подчиняется лишь одному человеку – Самому. В лучшем случае Точилин мог прислать кого-то из своих подчиненных.

– Что, Алмазов готов? – спросил вице-премьер.

– Готов, Алексей Константинович, – подтвердил секретарь.

– Отлично, отлично, – пробормотал Тарасов, поворачивая в знакомый коридор перед входом в зал заседаний. Дверь уже услужливо распахнулась перед ним, но вице-премьер не спешил шагнуть внутрь. Наоборот, он на пару секунд замедлил шаг, покрутил головой, словно мешал тугой узел галстука. Галстук ему совсем не мешал – уже несколько десятилетий он был привычной частью униформы Алексея Константиновича. Просто ему было необходимо совершить некую внутреннюю настройку; какая-то пружина внутри вице-пре-

мьера, разжавшаяся во время поездки через сосновый лес, должна была вновь сжаться и прийти в боевое состояние. Пары секунд на это обычно хватало. Хватило и теперь. Алексей Константинович вошел в ярко освещенный зал, обошел во круг овального, инкрустированного дорогим деревом стола, приветствуя каждого из собравшихся, и занял свое место во главе.

– Мы начинаем наше сегодняшнее совещание, – объявил он. – Мой помощник предупредил вас, что оно носит не совсем обычный характер. Мы собираемся обсудить один... – тут вице-премьер слегка замялся, подбирая синоним, не подобрал и повторил все тот же оборот: – Один не совсем обычный вопрос. Вашему вниманию будет предложен один проект, призванный помочь нам решить сразу несколько проблем. Проект, прямо скажу, нетрадиционный. Этим обусловлен уровень секретности. Службой охраны приняты все меры, чтобы ни одно слово, сказанное за этим столом, не дошло до посторонних ушей. При этом – во избежание кривотолков – сразу хочу сообщить, что Президент поставлен в известность.

– То есть вы хотите сказать, что он одобрил ваш проект? – спросил грузный человек, сидевший в середине стола. Это был Генеральный прокурор Геннадий Илларионович Петров. У вице-премьера с Геннадием Илларионовичем были сложные отношения. Если говорить точнее, плохие. И дело было даже не в той политике, которую неуклонно проводил

Генеральный прокурор, – политике по возбуждению все новых и новых дел против предпринимателей, которую Тарасов считал исключительно вредной. Дело было скорее в личном отношении вице-премьера к главному хранителю законов страны. Алексей Константинович считал Геннадия Петрова человеком злым, агрессивным, а главное – неумным. Для вице-премьера, который ценил в людях прежде всего интеллект, это было самым тяжелым недостатком. Свое негативное отношение к коллеге по правительству Тарасов старался скрывать, но это ему не всегда удавалось. И проницательный Генеральный прокурор, кажется, догадывался об истинном отношении к нему главного правительственного экономиста. Это было плохо, очень плохо – не потому, что Генеральный прокурор был опасным человеком и его следовало бояться, а потому, что это вредило делу, а интересы дела Алексей Константинович ставил выше всего. Но тут уже ничего нельзя было поделать.

– Нет, Геннадий Илларионович, – отвечал вице-премьер, – этого я не хочу сказать. Я лишь сообщаю, что он поставлен в известность.

«А потому сообщать ему об этом еще раз, что ты так любишь делать, не стоит», – добавил он мысленно. Но вслух, разумеется, не сказал. Вместо этого он произнес следующее:

– Представит проект мой референт Егор Борисович Алмазов. Но прежде я вкратце обрисую текущую ситуацию, чтобы вам стали понятны причины, по которым мы решили при-

бегнуть к столь неординарной мере. Итак...

И Алексей Константинович произнес «краткую характеристику» – идеально точный, объективный и максимально полный анализ экономического положения страны. Подобные характеристики он давал постоянно – и на заседаниях кабинета, и на совещаниях, проводимых самим президентом, и на различных международных форумах. Выверенность, а иногда и резкость его формулировок была широко известна. Значительная часть его авторитета покоилась на глубине анализа, даваемого в этих выступлениях.

– Подводя итоги, повторю основные выводы, – сказал Алексей Константинович, заканчивая свою речь. – Мы имеем устойчивую тенденцию снижения государственных доходов при значительном объеме взятых на себя государством обязательств. Это вызывает дефицит бюджета, который в ближайшие годы будет нарастать. Снижается деловая активность, что делает неизбежным рост безработицы. Мировой тренд снижения цен на энергоносители угрожает нам еще большим сокращением государственных доходов. Наконец, надвигается новый экономический кризис. Мы предвидим спад производства, а стало быть, новое снижение налоговых поступлений в бюджет. Все это может вызвать значительный рост социальной напряженности и массовое недовольство. Какие формы примет это недовольство, можно только гадать. Но в любом случае это явление будет иметь крайне негативный характер для нашего государства, особенно

с учетом внешних угроз. Поэтому мы должны принять все – в том числе и неординарные – меры для исправления ситуации. Одной из таких мер и должен стать проект, предложенный сегодняшним докладчиком. Прошу вас, Егор Борисович.

Молодой человек, сидевший в стороне, у стены, поднялся и подошел к столу. Референт вице-премьера чем-то походил на своего шефа: те же роговые очки, тот же задумчивый вид, делавший его похожим скорее на научного работника, чем на чиновника. И даже залысина у Егора Алмазова имелась – правда, маленькая, едва заметная. А вот голос у молодого референта оказался совсем не похожим на глуховатый тарасовский говорок – он был звучный, раскатистый.

– Предлагаемый вашему вниманию проект носит действительно нетрадиционный характер, – начал Алмазов свое выступление. – Причины, по которым мы вынуждены прибегнуть к столь экстравагантным мерам... ну, Алексей Константинович обрисовал эти причины. Так что я сразу перейду к описанию задач, которые он призван решить. Этих задач две. Во-первых, наш проект должен обеспечить дополнительные поступления в бюджет, причем эти поступления не будут зависеть от экономической конъюнктуры. Наоборот, чем глубже будет начавшийся кризис, тем больше денег мы будем получать.

– Вот как? Интересно... – произнес человек, сидевший по левую руку от вице-премьера. Это был глава Центробан-

ка. Алексей Константинович ответил на эту реплику легкой улыбкой. Главу Центробанка разработчикам нового проекта бояться не следовало: он был единомышленником Тарасова. Бояться следовало совсем других людей, которые пока по-малкивали.

– Вторая задача нашего проекта, – продолжил свою речь Алмазов, – это смягчение социальной напряженности. Мы даем людям возможность улучшить свое материальное положение, причем улучшить значительно, и это никак не будет связано с риском.

– Ну, это еще интереснее, – заметил Генеральный прокурор. И на эту реплику Алексей Константинович улыбаться уже не стал.

– Перехожу к сути предлагаемых мер, – сказал докладчик. – Итак, мы предлагаем разрешить деятельность в стране некой финансовой сети. Ее организаторы будут предлагать населению вкладывать в их предприятие деньги, обещая за это фантастически высокие дивиденды – до семидесяти процентов годовых. И эти деньги люди будут получать, по крайней мере на первых порах. Дальнейшие выплаты будут носить все более проблематичный характер, однако организаторы приложат все усилия, чтобы никто из вкладчиков не потерял свои деньги.

– А за счет чего будет обеспечен столь высокий процент? – спросил руководитель Центробанка.

– За счет поступления средств от новых вкладчиков, – от-

вечал референт.

– Но ведь это пирамида! – воскликнул главный банкир страны. – Самая настоящая финансовая пирамида!

– Да, если пользоваться устоявшейся терминологией, такую структуру можно назвать пирамидой, – согласился Алмазов. – Однако мы предпочитаем использовать другой термин – финансовая сеть. Финансовая, а также социальная.

– И в чем же будет отличие этой вашей сети от тех пирамид, которые уже создавались и деятельность которых наши органы успешно пресекали? – спросил глава МВД.

– Отличие будет состоять в том, – объяснил докладчик, – что создаваемая организация с самого начала и до конца будет находиться под контролем государственных органов. И значительную часть своих доходов – примерно треть – ее организаторы будут перечислять на специальный счет, открытый министерством финансов. Это и позволит нам получить новый источник пополнения бюджета. Кроме того, организаторы новой сети в отличие от создателей прежних пирамид будут стремиться обеспечить возвращение денег вкладчикам в случае ликвидации сети.

– Как же это возможно? – спросил глава Центробанка. – Пирамида на то и пирамида, что вступившие в нее последними обеспечивают доходы тех, кто пришел раньше. Она существует по принципу велосипеда – живет, пока движется вперед. Любая остановка означает падение.

– В новой организации будет создано нечто вроде резерв-

ного фонда, — объяснил Алмазов. — Из него будут возвращаться деньги последним вкладчикам. Но, разумеется, только взносы: процентов они уже не получают.

— Действительно, нетрадиционная идея: создать государственную пирамиду! — воскликнул глава МВД Белозерский. — Вы что — всерьез это предлагаете?

Последние слова были обращены уже не к Алмазову, а к Алексею Константиновичу. И он ответил:

— А вы что думаете — мы тут шутки шутим? С дырой в бюджете и неизбежным повышением пенсионного возраста — вот вам, кстати, еще один источник массового недовольства. Нет, Николай Демьянович, мы говорим все это серьезно. И проект предлагаем всерьез.

На несколько секунд воцарилось молчание, после чего глава Центробанка спросил:

— Кто же должен возглавить эту новую... эээ... организацию? Согласитесь, это должен быть человек тоже... неординарный.

— Новую структуру будет создавать Николай Николов, — отвечал Алмазов. При этом он бросил быстрый взгляд в сторону вице-премьера.

— Кто?! Этот мошенник? — воскликнул глава МВД. — Да мы же его три... нет, пять лет назад ловили как опасного преступника! И поймали! И посадили!

— Да, фигура неоднозначная, — ответил на эту реплику Алексей Константинович. — Однако хочу заметить, что де-

ло, возбужденное против него пять лет назад, в значительной части рассыпалось – думаю, вы, Николай Демьянович, об этом помните. Подавляющее большинство вкладчиков отказалось от каких-либо претензий.

– Я провел длительные переговоры с Николовым, – сообщил Алмазов. – Мы детально обговорили все стороны функционирования новой структуры. В частности, вопрос возвращения долгов.

– Но он у нас находится под подпиской о невыезде! – заявил Генеральный прокурор. – Против него возбуждено сразу два уголовных дела!

– Я знаю, – кивнул Алексей Константинович. – Потому и пригласил вас на это совещание: без содействия Генеральной прокуратуры и полиции нам этот вопрос не решить. Подписку, Геннадий Илларионович, надо будет снять: организатору новой структуры надо много ездить по стране. Что же касается уголовных дел... В принципе, они могут вестись – материала для привлечения Николова к ответственности у вас все равно нет. Но лучше их все-таки закрыть.

– Хочу добавить, – сказал Алмазов, – что частью нашей договоренности с Николовым является его обязательство хранить нашу договоренность в строжайшей тайне. Причины, я думаю, понятны. Ни своим помощникам, ни вкладчикам, ни сотрудникам полиции он не может рассказать о том, что действует с нашего разрешения и отчисляет часть денег в бюджет.

– Поэтому и наше сегодняшнее совещание носит секретный характер, – добавил Алексей Константинович. – Сведения о нашем сотрудничестве не должны просочиться за пределы этого зала. Тем более они не должны попасть в прессу. Я понимаю, что у вас есть много вопросов и возражений по новому проекту. Давайте обсудим все здесь и сейчас. И разрешим все противоречия. Разногласий – я имею в виду принципиальные разногласия – остаться не должно. Ставка в этом деле слишком высока – это стабильность страны!

На несколько секунд в зале воцарилось молчание – участники совещания обдумывали услышанное. Затем генерал Белозерский медленно произнес:

– Да, стабильность – это та цель, ради которой можно многое... многим пожертвовать. Ее надо сохранить любой ценой! Тем более что определенные силы – и у нас в стране, и особенно за рубежом – стараются ее расшатать. Разрабатывают разного рода многоходовки...

– Рад, что наш проект нашел у вас понимание, Николай Демьянович, – сказал Тарасов. – Да, наши противники разрабатывают свои ходы. А мы придумаем свой – совершенно неожиданный. Так сказать, ход сетью. Итак, какие еще есть вопросы?

– Да, некоторые вопросы остаются, – сказал глава Центробанка. – Например, такой: я бы все-таки хотел понять, как будет функционировать новая структура? Будут ли какие-то отличия от того, что мы все видели пять лет назад?

Егор Борисович Алмазов с готовностью принялся отвечать, сообщая все новые и новые подробности. Однако человек, прибывший на секретное совещание без приглашения, этих объяснений уже не слушал. Человек этот находился снаружи, за одним из окон зала. Используя свои многочисленные и очень специфические навыки, он загодя преодолел обе ограды, окружавшие резиденцию, и определил место, откуда будет осуществлять прослушивание. Затем, когда стемнело, он взобрался по стене особняка и устроился на карнизе, под одним из окон зала. Вокруг особняка была оборудована система подсветки – и для красоты, и для большей безопасности. Однако здесь, на карнизе, лежала густая тень, которая полностью скрывала незваного гостя. Устроившись в своем убежище, человек достал крохотный микрофончик, снабженный присоской, и прикрепил его к стеклу, после чего включил запись. Другой микрофон он вставил себе в ухо – он должен был знать, о чем говорится в зале, все ли важное сказано.

Теперь, после предложения вице-премьера задавать вопросы, человек на карнизе решил, что операцию пора сворачивать. Об этом говорила его интуиция, выработанная за долгие годы оперативной работы. Он выключил запись, отсоединил присоску с микрофоном, после чего ловко и совершенно бесшумно спустился вниз и растворился в ночи.

Глава 2

Нам нужна надежда

Виктор Прокофьев открыл гараж, включил свет и прошел вдоль борта «девятки» в заднюю часть бокса. Большинство владельцев гаражей обычно складывают здесь всякие автомобильные аксессуары: комплект зимних шин, емкости с маслом и тасолом, ключи, тросы, шланги – да мало ли чего накопится за годы езды. Хозяйственные мужики оборудуют по стенам полки и карнизы, на которых все это добро аккуратно сложено и развешано; более безалаберные сваливают все в кучу. Прокофьев относился к категории хозяйственных: у него имелись не только полки и крюки на стенах, но даже был вырыт довольно глубокий погреб. Но шины и тасол занимали здесь совсем немного места. Большую же часть пространства занимало совсем другое оборудование: четыре байдарки «Таймень», запасные стрингеры и другие детали, спальники, палатки и котлы. А в погребе, на лето освобожденном от картошки, хранились консервы.

Однако человек, заглянувший в гараж и увидевший все это добро, ошибся бы, решив, что Виктор Александрович является завзятым спортсменом-байдарочником, который весь год мечтает об отпуске с веслом в руках. На самом деле предметы, хранившиеся в гараже, являлись основным капиталом

предприятия, кормившего семью Прокофьевых.

...Конец 80-х годов застал Виктора Александровича Прокофьева за учительским столом. Он преподавал физику и астрономию в одной из школ сибирского города Заусольска, а в местном дворце пионеров вел сразу два кружка – астрономический и туристический. Во время летних каникул члены кружков совершали водные походы по реке Белой, а иногда и по ее бурному и порожиному притоку – Сечгану; выбирались даже на Байкал, в соседнюю область. Дети были в восторге. Ведь десяток походных дней вмещал так много: и первые мозоли от работы с веслом, и незабываемые ощущения при прохождении порогов, и песни у костра, и занимательные рассказы руководителя о звездном небе, что раскинулось у них над головами.

Дети были в восторге, Виктор Александрович тоже получал удовольствие, а также некоторую зарплату, на которую путем строжайшей экономии и с помощью заимствований у друзей и родственников в 1989 году он смог приобрести старенький «Москвич». О чем еще можно было мечтать?

Но тут как раз жизнь стала стремительно меняться. С полок магазинов исчезли продукты, зато в журналах стали печатать запрещенные прежде романы. Виктор Прокофьев романы с интересом читал, а продукты для походов доставал на складах райторгов по специальным бумагам, выдаваемым в горно. Причем с каждым годом списки продуктов, которые ему разрешали приобрести, становились все короче, а скла-

ды, куда за ними приходилось ехать, находились все дальше. А затем рухнула «руководящая и направляющая сила», и все кардинально изменилось. Продукты вновь появились, но в магазины ходили как на выставку: новые цены вызывали оторопь. Учительскую зарплату стали задерживать сначала на месяц, потом на два. Да и что можно было купить на эту зарплату? Дворец пионеров сменил вывеску и перестал платить вообще. Кружки, которые вел Виктор Александрович, закрыли, а оборудование – атласы звездного неба, старенький телескоп, проектор, а также разного рода спортивное снаряжение – было решено утилизировать. То есть попросту выбросить.

Вот с этим Прокофьев примириться не мог. И, подписав акт о списании, перетащил телескоп, а самое главное, байдарки с палатками к себе в гараж. Тогда он еще не догадывался, какую роль эти старенькие «Таймени» сыграют в жизни его семьи. Думал, просто с друзьями по выходным плавать будет. Но вышло по-другому.

В школе царил неразбериха и уныние: учителя ходили голодные, в учительской только и разговоров было, что о возможности где-то подработать. В классах падала дисциплина, программы и учебники стали меняться каждый год... Пару лет Прокофьев промыкался на старом месте работы – другого дела он не знал (точнее, думал, что не знает), подрабатывать не получалось... А потом случайно услышал по телевизору передачу о развитии малого бизнеса в Калининград-

ской области. В качестве одного из примеров приводилась деятельность одного инициативного человека – по профессии школьного учителя! – который создал собственное малое предприятие, предлагавшее желающим путешествия по родной земле. Диктор вдохновенно описывала плавание по озерам и Балтийскому морю, путешествия по Куршской косе, ночевки у костра, прямо под звездным небом... От желающих, утверждали авторы передачи, прямо отбоя не было.

Прокофьев слушал экранного глашатая с таким чувством, с каким библейский Моисей слушал Бога, говорившего с ним из грозовой тучи. Это было настоящее откровение! Коллега из самой западной области России (сколько оттуда до Заусольска – три тысячи километров? или четыре?) открыл Виктору Александровичу глаза и указал дальнейший путь в жизни. Вот оно, его настоящее дело! Вот чем он должен заниматься! И все условия есть. Места, куда следует приглашать участников походов (то есть, по-новому, клиентов), он отлично знает. Навыками походной жизни владеет в совершенстве. Рассказать о достопримечательностях родного края может. А главное – оборудование имеется! Те самые четыре байдарки, спасенные от перемещения на свалку, а также спальники, палатки и котлы. За чем же дело стало? Вперед, скорее включаться в ряды свободных предпринимателей!

...С того далекого дня прошло уже почти два десятка лет. Они вместили многое: и первые робкие шаги, первые заработанные новым способом деньги, и развитие дела, и его

упадок. В первые годы Прокофьев водил группы только летом, а осенью устраивался работать сторожем или дворником. Затем он додумался арендовать домики не работающих в холодное время пионерлагерей и стал устраивать осенние пешие и зимние лыжные вылазки на природу (многим горожанам и одного дня в лесу было достаточно). Большую помощь, особенно зимой, ему оказывала жена Лена. В течение нескольких лет предприятие Прокофьевых встало на ноги. Они купили новое оборудование взамен стареньких «Тайменей», арендовали офис. Стали прилично зарабатывать, сменили старенький «Москвич» на почти новый «Ниссан», впервые съездили за границу и стали подумывать о постройке собственного дома. А затем последовал август 1998-го, когда поток клиентов внезапно иссяк, зато, как назло, зачастила с визитами налоговая инспекция. Пришлось продать и новые байдарки, и «Ниссан», опустел и счет в банке... Хорошо хоть сын Андрей к тому времени встал на ноги, о нем уже не надо было заботиться.

В последние несколько лет дела шли ни шатко ни валко. Заработанных денег едва хватало на жизнь. Еще хуже было то, что само это дело – все эти пороги, перекааты, песни у костра Прокофьеву надоели. Виктор Александрович понимал, что он упустил какой-то важный момент, когда мог перейти на новый уровень. Ведь предлагали же ему в 1997-м открыть собственное турагентство и, сотрудничая с одной из московских фирм, продавать туры за границу. Лена тогда активно

поддерживала эту идею. А он не захотел. Заявил, что патриот родного края и что он докажет – родная сибирская природа вполне может стать основой для развития полноценного бизнеса. Даже статейки соответствующего содержания в местной прессе публиковал. Ну и где эта надежная основа развития бизнеса? Где поток клиентов? Хорошо, если за месяц пару групп удастся обслужить. Остальное время предприятие Прокофьевых простаивало. У Виктора Александровича возникло ощущение, что он вновь находится в таком же тупике, как и накануне ухода из школы. Старые возможности были исчерпаны. Было ясно, что никакого нового рывка, нового развития у его бизнеса не будет – наоборот, будет только хуже. А ведь ему еще и пятидесяти нет. И что делать? Куда податься? Этого Прокофьев не знал.

Он завел «девятку» (купили в 2003-м, когда дела немного наладились), выгнал ее из гаража. Затем вынул из чехлов одну за другой все четыре байдарки и стал их осматривать. В понедельник предстояло вести группу по Белой, и надо было подготовить оборудование. А что его готовить? Его менять надо. Ведь это были те самые «Таймени», которые он когда-то спас от сдачи в утиль. Только они и остались у Прокофьевых. У одной каркас был в относительном порядке, у остальных он нуждался в замене многих деталей. А как их заменить, если такие байдарки уже не выпускают? И вот он возился, ввинчивал болты, вставлял пружины, добытые в самых разных местах...

В разгар этой работы в кармане зазвонил телефон. Прокофьев взглянул на номер, и у него потеплело на душе. Надя Заикина! Наверное, скажет, что соскучилась, хочет увидеться...

С Надей, корреспондентом «Заусольского вестника», Виктор Прокофьев познакомился в конце 1990-х – как раз в ту пору, когда выступал в местных газетах со статьями, пропагандирующими здоровый образ жизни и отдых на лоне родной природы, а также с краеведческими материалами. Тогда знакомство было чисто деловым: Наде нужен был знающий и толковый автор, а Виктор оказался именно таким. Они относились друг к другу с симпатией, но не более того. Однако затем, вдохновленная рассказами Виктора о прелестях походной жизни, Надя сама попросилась с ним. И там, во вторую походную ночь (Белая, несшая массу паводковых вод, грозно ревела, соловьи заливались среди зеленеющих деревьев, Млечный Путь мерцал над головами), их отношения перешли на новый уровень. И с тех пор с него уже не сходили. Она была почти на пятнадцать лет моложе его, крепкая, спортивно сложенная – хотя спортом никогда не занималась. Но главное было не это – не ладная фигура, не быстро выяснившееся сходство запросов в интимной сфере, – а ладный характер, доброжелательность, широта интересов. Интим занимал лишь часть времени их свиданий – им всегда было о чем поговорить.

Вначале была угроза, что семьи любовников не устоят от

жара вспыхнувших чувств. Но жар, достигнув некоей высшей точки, затем схлынул, и семьи устояли. Может, потому устояли, что скрепой в обоих случаях была не любовь, а жалость – а это материал более прочный. «Ну куда, куда она пойдет? Что будет делать без меня?» – думал Прокофьев, глядя на свою Лену. Что она будет делать – со своими сорока шестью годами, близорукостью, целлюлитом, склонностью к полноте и четырьмя уроками музыки в неделю? И в той другой семье было то же самое. Надя жалела своего мужа, тихого инженера – а по сути, техника, добывавшего свой маленький кусочек хлеба в местном электровозном депо.

Они встречались один, редко два раза в месяц – летом, как правило, на природе, а зимой – на квартире Надиной подруги. Та несколько лет назад уехала зарабатывать деньги в столицу, а Наде поручила сдавать свою двухкомнатную квартиру. До знакомства с Прокофьевым Надя квартиру сдавала сразу на год – чтобы меньше хлопот было. И плату брала небольшую – чтобы можно было подыскать тихих спокойных квартиросъемщиков, которые наверняка не обманут. А когда в ее жизни появился Виктор, свою политику изменила: плату подняла, и сдавать жилье стала самое большее на три месяца. Жильцы пошли более капризные, иногда случались конфликты, но Виктор, который в походах запросто мог отогнать от лагеря навязчивую пьяную компанию, легко их решал. Жившая в Москве подруга могла быть довольна: приток средств из родного города увеличился. Но и любовники

не остались внакладе: в аренде стали случаться перерывы, когда одни съемщики съезжали, а новые еще не появлялись. Этим они и пользовались.

В последние несколько лет Надя Заикина, которая раньше занималась в основном вопросами культуры и спорта, нашла себя в обличительной журналистике. Она смело разоблачала хапуг и взяточников, писала о необъяснимой пропаже денег, выделенных из бюджета на ремонт дороги Заусольск – Иркутск, и на другие подобные темы. Важным направлением ее публикаций было также разоблачение разного рода мошенников. Она, в частности, провела журналистское расследование деятельности финансовой пирамиды, созданной в области парой махинаторов местного разлива по образу и подобию знаменитой «МММ», и написала о них серию статей. Для махинаторов Надино расследование закончилось печально: прокуратура (дело было еще до создания Следственного комитета) возбудила против них уголовное дело. Надя же стала после этого местной знаменитостью. Виктор Прокофьев также участвовал в создании этих статей. Надя привлекла его (разумеется, негласно) как консультанта по финансовым вопросам и проблемам взаимоотношений предпринимателей с чиновниками. А заодно заразила своей непримиримой враждебностью к разного рода махинациям и финансовым авантюрам.

Виктор Александрович нажал кнопку ответа и произнес:
– Привет! Как дела?

Немногие люди, знавшие Виктора Прокофьева, предполагали, что его голос может быть таким теплым и радостным.

– Дела замечательно! – отвечал ему голос, который он бы узнал среди тысяч других. – Небо чистое, ветер попутный! Ты сейчас чем занят?

– Байды ремонтирую, – объяснил Прокофьев. – В понедельник надо группу вести. А что?

Последний вопрос по температуре был на сотню градусов горячее предыдущих слов: он подразумевал ответную фразу «Слушай, а давай сегодня...» или «Знаешь, я сейчас свободна...». Именно такой фразы ждал Прокофьев.

Однако Надя ответила другое.

– Ну, если в понедельник, то ты еще успеешь, – заключила она. – Слушай, давай иди оденься поприличнее и подходи к двенадцати к Дому офицеров.

– А что там – выставка новая открылась? – спросил Прокофьев.

– Если бы! Выступление там будет! А если точнее сказать – сеанс коллективного охмурения.

– Какое выступление?

– А ты не слышал? Главная новость сегодняшнего дня: к нам приезжает сам Николов! Во всех газетах напечатали и по радио передают.

– Тот самый? – удивился Прокофьев.

– Да, тот самый Николов собственной персоной. Сообщается, что у нас в Заусольске он объявит о старте како-

го-то своего нового проекта. А наши доблестные военные поспешили ему зал предоставить – представляешь, какая подлость!

– Значит, ты будешь об этом писать, – заключил Прокофьев. – Хорошо, а я-то тут при чем?

– Ты очень даже при чем, – объяснила Надя. – Он ведь будет там вербовать себе новых клиентов, обещать златые горы, сказочные проценты. Будет говорить, как там у него все обеспечено, куда будет деньги вкладывать. А ты должен выступить как предприниматель и человек, разбирающийся в бизнесе, и разоблачить эти обещания. И ты не думай – я тоже отсиживаться не собираюсь. Журналистика, конечно, дело важное, но защита интересов людей важнее. Так ты при-
дешь?

– Хорошо, приду, – обещал Прокофьев. Следует заметить, что мотивы такого решения у него были несколько иные, чем у Нади Заикиной. Он считал, что разного рода обманутые вкладчики сами виноваты в своей беде – чай уже не в детском саду, своей головой думать надо. Но там, в зале, будет удобный случай поговорить с Надей, условиться о новом свидании – а Прокофьев чувствовал, что потребность в такой встрече назрела. Кроме того, было интересно вблизи посмотреть на знаменитого мошенника.

...Зал гарнизонного Дома офицеров (странной организации, в последние двадцать лет занимавшейся чем угодно, но только не досугом доблестных защитников Отечества) был

полон. Шум стоял как на базаре. Собравшиеся ожесточенно спорили, что-то доказывали друг другу, активно жестикулируя. С первого взгляда было видно, что публика здесь собралась разношерстная. Преобладали бедно одетые люди обоего пола среднего и пожилого возраста. Однако имелись и уверенно державшиеся люди, одетые побогаче, – таких легко было представить в кабинете собственного офиса или за рулем «Лексуса». Они, как правило, занимали крайние кресла – чтобы при желании было легче уйти.

Прокофьев окинул взглядом зал – и увидел Надю, махавшую ему из середины четвертого ряда. Виктор Александрович протиснулся к ней, уселся, легонько сжал руку чуть выше локтя – это было установившееся у них приветствие – и только собрался заговорить о том важном, зачем пришел на это собрание, как по залу пронесся громкий звук гонга, и сразу же погас свет. Только на рампе горело несколько лампочек, освещая совершенно пустую сцену, в глубине которой белел большой экран.

– Ну вот, начинаются николовские штучки! – горячо зашептала Надя на ухо Виктору. – Будет, как крысолов, толпу гипнотизировать! Только мы ему не поддадимся!

Зал затих. Все ждали, что будет дальше. Послышались шаги, и на сцену вышел человек чуть выше среднего роста, одетый во все черное. Он подошел к самой рампе и произнес:

– Приветствую вас, сибиряки-заусольцы, чьим трудом прирастает богатство вашего сурового края и всей России!

В руках у говорившего не было микрофона, тем не менее его низкий голос волшебным образом разносился по всему залу.

– Я – Николай Николов, – представился человек. – Думаю, все вы обо мне слышали. Я не случайно выбрал ваш город как место, где возродится наша организация. Именно вы, люди, закаленные суровым климатом Сибири, люди, много потрудившиеся на своем веку, достойны того, чтобы первыми получить шанс резко изменить свою судьбу! Про меня рассказывают много небылиц. Возможно, вы их слышали. Говорят, что я обманываю людей, чуть ли не избрал обман своей профессией. Говорят, что нажил баснословное состояние, купаюсь в роскоши, в то время как люди, вложившие деньги в мою первую организацию, лишились последнего. Знайте: все это ложь! Сколько ни искали мои враги, но они так и не нашли ни одного счета на мое имя. За все годы неустанных трудов я не нажил ни рубля! Все, что я заработал, – это ваше доверие. Я ничего не взял у людей – я им все отдал!

Голос человека на сцене окреп; сейчас он почти кричал.

– Я дал людям надежду! – громко произнес он, и в этот момент экран за его спиной вспыхнул, и на нем возникла надпись огромными буквами: «Нам Нужна Надежда!» Из-за кулис на сцену стали выходить люди. Всего вышло двенадцать человек, мужчин и женщин; они встали полукругом за спиной Николова.

– Это мои помощники, – объяснил тот. – Все вместе

мы учреждаем новую финансовую организацию с названием «ННН». Я расскажу об условиях, на которых она будет работать. Каждый из вас может обратиться к одному из моих помощников и зарегистрироваться. После этого вы открываете счет в любом банке и приобретаете ценные бумаги нашей организации; они называются «николо». Бумаги эти – виртуальные, поддержать их в руках нельзя. Они будут храниться на первоначальном счете каждого из вас. При этом каждый, ставший участником нашей организации, получает подарок: сумму, равную двадцати долларам США! Совершенно бесплатно! А на ваши ценные бумаги будут начисляться накопления – от 40 до 60 процентов каждый месяц. Повторяю: каждый месяц! Человек, положивший десять тысяч, спустя месяц получит шестнадцать! Ни один банк не даст вам столько! Разве это не шанс?

– Сейчас я ему устрою! – горячо прошептала Надя на ухо Прокофьеву. – Заставлю его наврать с три короба о том, куда он вложит деньги вкладчиков, а потом разоблачу!

И, воспользовавшись образовавшейся паузой (Николов, как видно, сделал ее сознательно, чтобы дать залу возможность переварить полученную информацию), Надя вскочила и громко спросила:

– Скажите, а куда вы будете вкладывать наши деньги? Ведь чтобы выплатить такой большой процент, надо иметь надежный источник дохода. Вы будете вкладывать деньги в добычу золота, алмазов – верно?

Человек на сцене не задержался с ответом ни на одну секунду. Подойдя вдоль рампы как можно ближе к тому месту, где сидели Надя и Прокофьев, так что теперь их разделяло лишь несколько метров, он произнес:

– Нет, милая девушка, вы не угадали! Никуда я ваши деньги вкладывать не собираюсь! Не буду я добывать ни золото, ни алмазы! Наша «ННН» – это финансовый кооператив. Или, как любят говорить мои противники, финансовая пирамида. Первые вкладчики получают свои проценты из средств, внесенных вступившими позже. Им, в свою очередь, заплатят те, кто придет вслед за ними, – и так далее. Вы получили ответ на свой вопрос?

И он своими черными, словно угли, глазами уставился прямо на Надю. Прокофьев отчетливо видел зажим с маленьким микрофончиком на его рубашке – такой он видел у ведущих на экранах телевизоров. Так вот откуда усиленный волшебным образом звук! Даже в такой мелочи – и то обман! Виктору Александровичу хотелось сказать об этом – но он не мог. Словно прилип к креслу. Надя тоже не нашла слов и села. Прокофьев видел, что она растеряна. Между тем Николов решил дополнить свой ответ.

– Мои враги, люди с примитивным экономическим мышлением, утверждают, что такая система неустойчива, что участники, вложившие деньги последними, неизбежно окажутся в проигрыше, – заявил он. – Но это не так! Даже мои враги, эти узколобые догматики, признают, что я обла-

даю неординарным экономическим мышлением. Я разработал совершенно новую финансовую схему, при которой новые вкладчики ничего не проигрывают. Да, моя организация не может остановиться, застыть, она должна все время расширяться. Но она и будет расширяться! Из Заусолья она пойдет по другим городам Сибири, перевалит за Уральский хребет, распространится по всей России! И не только по России! Мы будем работать в Белоруссии, Украине, Польше, Чехии, Болгарии – во всей Европе!

Через несколько рядов от Прокофьева с Надей поднялся еще один человек.

– Как же вы собираетесь развивать вашу организацию, – громко спросил он, – когда находитесь под следствием? Ведь против вас возбуждено два уголовных дела! Вы находитесь под подпиской о невыезде и не должны покидать пределов Москвы! Как вы оказались у нас в Сибири, вот интересно?

Но и к этому вопросу Николов оказался готов.

– Должен вас обрадовать, – объявил он. – А может, наоборот, разочаровать, не знаю. Дело в том, что уголовные дела против меня закрыли два дня назад. А вчера сняли и подписку о невыезде. Так что теперь ничто не мешает мне заниматься любимым делом: дарить людям надежду!

Последние слова организатора «ННН» вызвали в зале шквал аплодисментов. Николов развел руки, словно хотел обнять всех присутствующих, а зал ответил ему бурными овациями. Между тем помощники Николова вынесли на сце-

ну несколько столов, стулья.

– Теперь, когда я все объяснил, мы можем наконец перейти к делу, – заявил человек на сцене. – Желающие могут по очереди подняться сюда и зарегистрироваться в качестве членов нашего кооператива. А те, кто желает участвовать в нем более активно, привлекать новых членов, могут зарегистрироваться отдельно – как будущие десятичники. Подходите! Только прошу не толкаться и не спешить – номеров в списке на всех хватит. А если у кого-то есть еще вопросы, можете их задать.

Люди в зале словно ждали этого приглашения: сразу чуть ли не четверть всех собравшихся устремилась на сцену. Желающие встать в ряды «ННН» столпились на лесенках, возле столов выстроились очереди.

Надя повернулась к Виктору.

– Тебе надо выступить! – потребовала она. – Разоблачить этого мошенника! Ну давай же! Ты это умеешь!

Однако Прокофьев медлил. Полчаса назад, входя в этот зал, он был готов разоблачать, доказывать лживость посулов заезжего «финансового изобретателя». Но за эти полчаса что-то изменилось – сильно изменилось. Виктор Александрович, не отрываясь, смотрел на человека на сцене. Он будто слышал бой невидимых часов – они отсчитывали время принятия Решения. Его Решения. «Вот он, новый поворот в жизни», – мелькнула мысль.

Виктор Александрович встал и вдоль опустевшего ряда

двинулся к боковому проходу. Надя шла за ним. Видимо, она думала, что ее спутник ищет более свободного места, откуда он сможет обратиться к залу с пламенной речью. Однако Прокофьев не искал свободного места. Он направился к хвосту ближайшей очереди и встал в него.

– Ты чего? – не сразу поняла Надя. – Выступать же надо!

– Не буду я выступать, – ответил ей Прокофьев. – Ты разве не видишь: у него на все готов ответ. У него теперь все по-другому устроено.

– А для чего ты тогда здесь стоишь? – продолжала допытываться Надя.

– Для того же, что и все, – объяснил Виктор Александрович. – Хочу зарегистрироваться.

– Ты что?! – отшатнулась от него Заикина. – Ты хочешь вступить в это... в эту пирамиду? Отдать ему свои деньги?

– Я хочу попробовать, – уклончиво отвечал Прокофьев. – А там видно будет.

– Что видно? Что видно? – спрашивала Надя; она почти кричала. – Неужели ты не понимаешь? Не видишь? Ты что – ослеп?

Очередь сделала пару шагов вперед, и Прокофьев шагнул вместе с ней. За ним уже вставали новые люди. Надя оставалась на прежнем месте.

– Виктор! – окликнула она его.

– Да? – он обернулся.

– Если ты останешься здесь, так и знай: мы больше не уви-

димся! – твердо заявила девушка.

Секунду Прокофьев смотрел на нее, ничего не говоря; видно было, что он колеблется. Надя протянула руку, словно желая привлечь его к себе. Но тут очередь вновь шагнула вперед. Прокофьев взглянул на стоявших впереди людей, вновь оглянулся на Надю – а затем, так ничего и не ответив, повернулся и присоединился к очереди.

Глава 3

Всегда на страже

Часы громко пробили девять раз. Игорь Юрьевич поднял голову от бумаг (он не признавал электронных документов, существующих лишь на экране и в памяти компьютера, а потому открытых для враждебного проникновения; привычная тисненная золотом папка была куда надежней) и взглянул в окно. О, уже стемнело! Можно сказать, ночь на дворе. Что ж, неудивительно – август.

Игорь Юрьевич встал из-за стола и, ступая по толстому старинному ковру, прошелся по кабинету. Он любил ковры, массивные столы на тяжелых ножках, обтянутые зеленым сукном; на сукне обязательно тяжелая чернильница с откидной крышкой, лампа с абажуром... В этом стиле семидесятилетней давности было величие, была державность; ро-счерком стального пера, опущенного в такую чернильницу, решались судьбы целых народов, посылались в бой армии, определялось направление мирового развития. И как только Игорь Юрьевич Безбородов достиг по-настоящему высокого положения, которое он сейчас занимал, как только обосновался в этом здании, по коридорам которого ходил Тот Самый человек, посылавший в бой армии и решавший судьбы народов, он велел обставить свой кабинет именно в таком

стиле.

Пропел сигнал внутреннего вызова. Игорь Юрьевич включил прием и услышал голос секретаря:

– Прибыли приглашенные на совещание в 21.12. Прикажете впустить?

– Да, впускай, – разрешил Игорь Юрьевич. Он никогда не назначал совещания на какое-то ровное время. За всеми этими «20.00» или «15.00» чувствовалось нечто ординарное, рядовое. Возникало впечатление, что человек, назначивший совещание, сам ждет этого времени – 20.00. А вот если назначить на 20.07 или, допустим, 18.17, становится ясно, что хозяин кабинета непрерывно работает и каждая минута у него на счету.

Высокая дверь неслышно открылась, пропуская гостей. Игорь Юрьевич поздоровался с каждым, затем сел на свое место, предложил сесть остальным и внимательно оглядел приглашенных.

Их было трое: заместитель Генерального прокурора Виктор Петрович Крутых, заместитель министра внутренних дел Семен Семенович Чубушный и Петр Иванович Шаповалов – генерал в отставке, всю жизнь проработавший в структурах КГБ, а ныне возглавляющий общественную организацию «Щит Родины».

В таком – или примерно таком – составе они регулярно собирались уже два года. Инициатива проведения таких совещаний исходила не от хозяина кабинета, а от Петра Ива-

новича Шаповалова. Будучи человеком деятельным и энергичным, тот не мог спокойно сидеть на пенсии, наблюдая – по его собственным словам, – как «враг плетет свою паутину в самых высоких органах власти, пользуясь нашим ротозейством». Вначале Петр Иванович пробовал выступать в органах печати, но затем разочаровался в таком пути. Тогда он обратился к Семену Чубушному, которого хорошо узнал за годы совместной службы в Чечне. И уже вместе, сплотившись и выработав общую позицию, единомышленники вышли на Игоря Юрьевича.

Он в то время переживал трудный момент в своей карьере – ожидаемый им взлет на самую вершину власти, на должность преемника Самого, не состоялся. Вместо этого Игорь Юрьевич был назначен на должность хотя и почетную, но не слишком влиятельную. Если говорить совсем откровенно, он чувствовал себя отстраненным от принятия действительно серьезных решений. А за последнее десятилетие Игорь Юрьевич уже привык принимать такие решения, определявшие судьбы – пусть не народов, но отдельных людей или организаций. Поэтому, когда к нему обратился генерал Шаповалов, с которым Игорь Безбородов был слегка знаком по многим годам совместной работы, Игорь Юрьевич выслушал его с большим вниманием.

Он понял идею так: предлагалось создать нечто вроде мозгового штаба действующей власти. Нечто вроде дополнительного (помимо ФСБ, ФСО, МВД и других существующих

структур) органа, призванного выявлять агентов вражеского влияния и создаваемые этими агентами угрозы. Причем действовать этот орган должен был на общественных началах, безо всякого финансирования, что придавало его работе особую ценность.

Чтобы повысить влияние и эффективность создаваемого объединения единомышленников, требовалось привлечь к его работе еще кого-то из правоохранительных органов. Подумав, Игорь Юрьевич обратился к заместителю Генерального прокурора Виктору Крутых – и не ошибся. Оказалось, что заместитель главы прокуратуры тоже не вполне удовлетворен той линией, что проводится во внутренней и внешней политике страны, и хотел бы усилить борьбу с вражеским проникновением.

Так сложилась некая история, которую ее участники после долгих и осторожных консультаций решили называть просто «встречами». При этом было отвергнуто предложение Шаповалова присвоить объединению название «На страже»: это означало бы шаг к созданию какой-то организации. А участники совещаний, проводимых в кабинете Безбородова, никоим образом не хотели создавать организацию. Потому что такой шаг – пускай и совершенный с самыми благородными намерениями – мог быть расценен как некое обособление от действующей власти. Даже как заговор! В таком случае бдительным людям, случайно узнавшим о существовании кружка, могли прийти в голову нежелательные

аналогии из недавнего прошлого. А этого допустить было никак нельзя: такое развитие событий ставило бы крест на всей карьере.

Поэтому участники собраний на своей самой первой встрече, посоветовавшись, попросили Игоря Юрьевича, как лицо, наиболее близкое к вершине власти, проинформировать Самого о создании их кружка. Если бы Сам выразил недовольство такой инициативой, участники были готовы немедленно прекратить дальнейшую деятельность и ограничиться выполнением своих служебных или общественных (в случае с Шаповаловым) обязанностей.

Игорь Юрьевич выполнил поручение и, выбрав удобный момент, сообщил Верховному о возникшем у него (а у кого же еще? конечно, у него!) замысле. Первое лицо информацию выслушало и, подумав с минуту, сказал: «Что ж, мысль понятная. Можете собираться. Если что – информируй». После чего никаких препятствий для деятельности кружка не оставалось.

Одно время к участию в совещаниях привлекли также и начальника Семена Чубушного, самого министра внутренних дел Эльдара Култумбасова. Он активно участвовал в обсуждениях, внес много новых идей. Но затем над его головой сгустились тучи, и он был отправлен в отставку. Своего нового начальника Чубушный знал плохо и обращаться к нему пока не решался. Зато к совещаниям стали регулярно привлекать начальника одного из управлений Минобороны

и одного из заместителей главы ФСБ.

По традиции, открывал совещания всегда сам Игорь Юрьевич. Так было и сегодня. Поставив перед собой диктофон, он сказал:

– Нам удалось получить запись, сделанную две недели назад на одном совещании в резиденции «Заветное». Проводил совещание вице-премьер Тарасов. На нем присутствовали руководители МВД, Генпрокуратуры, Центробанка, представители ряда других ведомств. Совещание имело статус секретного, его участникам было настоятельно рекомендовано не сообщать о нем никому; уровень охраны резиденции на время проведения совещания был повышен. Я думаю, мы не будем нарушать статус секретности и кому-то сообщать о том, что там говорилось. Только сами слушаем.

Это была шутка, и Игорь Юрьевич позволил себе слегка улыбнуться. Остальные участники тоже усмехнулись.

Пленку с записью раздобыл заместитель главы ФСБ. Однако афишировать это обстоятельство, конечно, не следовало. Игорь Юрьевич и не стал этого делать. Получалось, что пленку добыл лично он.

– Итак, давайте послушаем, ради чего господин Тарасов созвал совещание на столь высоком уровне, – произнес Безбородов. – И ради чего был обеспечен столь высокий уровень секретности.

И он включил запись.

Следующие час двадцать минут прошли в молчании.

Участники встречи никак не комментировали услышанное, не позволили себе ни одной реплики. И это было понятно: за старинным дубовым столом в кабинете Игоря Юрьевича Безбородова собрались серьезные люди.

Наконец раздался щелчок – запись закончилась. Несколько минут за столом царило молчание. Первым его нарушил заместитель Генерального прокурора.

– Это просто в голове не укладывается! – воскликнул он. – Вице-премьер, одно из первых лиц в государстве, дает рекомендацию закрыть дело и снять все обвинения с отпетого мошенника! И это в то время, когда ряд наших товарищей-прокуроров, честнейших, преданных людей томятся в тюрьме по надуманным обвинениям!

Крутых имел в виду сотрудников прокуратуры Подмосквья и аппарата самой Генпрокуратуры, замешанных в скандале с подпольными казино. Самого Виктора Петровича тоже пару раз вызывали по этому поводу на допросы, следователи хотели возбудить против него дело, но Генеральный прокурор сумел отстоять своего зама. Участники встречи знали об этом, но вида не подали и согласно закивали головами: среди них было не принято критиковать друг друга и вообще выражать сомнение в искренности товарищей.

– Хочу заметить, что ваш шеф, Виктор Петрович, активно выступил против этой махинации, – сказал Игорь Юрьевич.

– Да, я заметил, – кивнул Крутых. – Однако мне он ничего не сказал.

– Что ж, Геннадий Илларионович человек дисциплинированный, – сказал Безбородов. – Ну, товарищи, что скажете?

– Что тут говорить – мерзкая затея! – прогудел басом Семен Чубушный. – Денег в бюджете у него, видишь ли, не хватает! У него на нужное дело никогда не хватает! Даже когда нефть дорогая была и деньги рекой лились, милиция и армия финансировались по остаточному принципу! Офицеры месяцами без зарплаты сидели. А о боевых и мечтать не приходилось. Все уходило в этот его Резервный фонд!

– Якобы в Резервный фонд! – заметил на это Шаповалов. – Мы с вами точно не знаем, как шли денежные потоки. Вполне возможно, что часть средств направлялась на совсем другие цели.

– Тут надо помнить, что уже несколько лет наш Алексей Константинович подкармливает ряд деятелей оппозиции, – сказал заместитель Генпрокурора. – А также несколько газетенок и интернет-ресурсов откровенно антигосударственной направленности. Не сам, конечно, а через близких к нему людей и помощников. Нам это точно известно.

– Ну да, у банкира Журавлева на всю оппозицию средств не хватает, вот Алексей Константинович и вынужден был подключиться, – усмехнулся Игорь Юрьевич.

Упомянутый банкир Журавлев был давним предметом забот Безбородова. Игорь Юрьевич был уверен, что этот хитрый деятель строит далеко идущие планы и, возможно, мечтает в будущем стать президентом. Благо задатки к этому у

него имелись: ведь Журавлев прошел ту же чекистскую школу, что и сам Безбородов. Само по себе такое стремление было нормальным: какой же солдат не мечтает стать маршалом? Вот только способ для достижения этой цели бывший сотрудник КГБ, а ныне банкир и промышленник избрал странный – через поддержку сил, враждебных официальной власти.

– Тут характерна еще фигура докладчика, – веско произнес Крутых. – Докладчика и автора этого бандитского проекта. Этот самый Алмазов в прошлом был замешан в самых грязных делах. Начать с того, что он успел послужить в институте у Гайдара. Потом подвизался за границей в одной компании, у которой есть интерес к нашей стране. И сейчас поддерживает контакты со всеми организаторами митингов.

– Так вот им для чего деньги понадобились! – воскликнул Семен Чубушный. – Чтобы бунт финансировать!

– Часть – на бунт, а часть – себе в карман, – добавил Шаповалов. – У подобных деятелей всегда так: себя не забывают.

– И как удобно придумано: ведь деньги никем не контролируются, через казну не проходят, – заметил заместитель Генпрокурора. – Можно брать столько, сколько требуется, и ни перед кем не отчитываться.

– И вы заметьте, откуда они эти деньги собираются брать, – сказал генерал Шаповалов. – У простых людей! Ведь кто составлял основную массу вкладчиков пресловуто-

го «МММ», а также структур самого Николова? Самые социально не защищенные слои! Рабочие, колхозники, пенсионеры, домохозяйки... Вот кого собираются ограбить!

– Верно говорите! – поддержал его заместитель Генпрокурора. – У меня брат в Сибири живет. Всю жизнь на металлургическом заводе проработал, с трудом на квартиру накопил. А тут сын задумал жениться, говорит: «Жить отдельно хочу». Откуда деньги взять? Вот брат и дал последние сбережения этому Николову. И что? Все пропало! И таких, как мой брат, – сотни тысяч!

– А теперь и миллионы будут! – поддержал его Семен Чубушный. – Теперь, пользуясь поддержкой в самом правительстве, этот мошенник развернется вовсю!

– Таким образом, мы пришли к выводу, что «проект», принятый на пресловутом совещании, вреден и опасен со многих точек зрения, – подвел итог обсуждения Игорь Юрьевич. – Теперь нужно определить, что мы можем противопоставить этой вылазке. Как мы будем бороться с незаконными действиями этих политиканов?

– Надо противопоставить этим преступным замыслам всю мощь государственных органов! – заявил Петр Иванович Шаповалов. – Поставить в известность руководителей всех правоохранительных структур. Думаю, у них хватит сил свернуть шею этому «строителю пирамид».

– Но ведь Генеральный прокурор Петров сам присутствовал на этом совещании, – заметил на это Игорь Юрьевич. –

И хотя на совещании он – единственный из всех участников – активно выступил против этого «проекта», но за прошедшие две недели никаких действий по его приостановке не предпринял. А министр внутренних дел, – тут хозяин кабинета повернулся к Семену Чубушному, – даже согласился с доводами господина Тарасова – мы все это слышали на записи. Так что на активное участие этих руководителей в срыве «проекта» рассчитывать вряд ли приходится.

– А что Быстров? И Точилин? Ведь их там не было? – спросил Шаповалов.

– Да, мы можем надеяться на поддержку этих людей, – согласился Безбородов. – О руководителе Федеральной службы безопасности говорить нечего: мы все знаем его образ мыслей. Что касается Павла Федоровича, то он, я думаю, тоже выступит против поощрения махинаторов.

– Как же, выступит он! – раздраженно отозвался заместитель Генпрокурора Виктор Крутых. – Пока команда сверху не поступит, начальник Следственного комитета и пальцем не пошевелит.

На эту реплику никто отзываться не стал: все понимали, что она вызвана все тем же противоборством, возникшим между прокуратурой и Следственным комитетом сразу же после создания этого нового органа и обострившимся после возникновения дела о «крышевании» подмосковных казино.

– А что Президент? Какова его позиция? – спросил Шаповалов. – Этот Тарасов сказал, что он проинформирован.

Это так?

Вот это был по-настоящему серьезный вопрос. Взгляды всех присутствующих обратились к Безбородову: только он имел близкий контакт с главой государства.

Игорь Юрьевич, который обычно говорил четко и уверенно, на этот раз помедлил с ответом. Причина была в том, что он не знал, что отвечать. Последний раз он встречался с Самим девять дней назад. Но это произошло на многолюдном протокольном мероприятии, и там не было никакой возможности перебраться с Первым лицом хотя бы несколькими словами. А просто позвонить Президенту, договориться о встрече Безбородов не мог: уровень его отношений с главой государства в последний год понизился (в чем Игорь Юрьевич не хотел признаваться). Кроме того, деликатность положения состояла в том, что Игорь Юрьевич не мог признаться, что знаком с разговорами, которые велись на секретном совещании, куда он не был приглашен. Поэтому хозяин кабинета ответил на вопрос так:

– Да, Президент знает о планах группы Тарасова – так же, как он знает обо всем, происходящем в стране. Но глубоко он в эти планы не вникал. И уж, конечно, не давал своего согласия на их реализацию. Его позиция по этому вопросу во многом будет зависеть от наших усилий, от того, насколько быстро мы сможем разоблачить махинации этого Николова. А также истинные планы господина Тарасова.

– Что касается разоблачения махинаций, то тут должны

сказать свое слово Семен Семенович с Виктором Петровичем, – заявил Шаповалов. – Их ведомства по долгу службы обязаны пресекать махинации. Поэтому, если они проявят здесь инициативу, никто им за это пенять не будет. А если их начальники решат идти на поводу у Тарасова и помешают преследованию махинатора – что ж, тогда мы будем знать, что рассчитывать на этих людей нельзя, и будем искать другие пути.

– Петр Иванович совершенно прав, – поддержал отставного генерала Безбородов. – Именно полиция с прокуратурой должны начать первыми.

– Что ж, я начать готов, – отозвался Чубушный. – Найду следователя посмелее – и начну. Кстати, я сейчас припоминаю, что у нас, в Следственном управлении, есть один такой. Авторитетов не признает, прет напролом... А ко всякого рода мошенникам у него прямо-таки личная ненависть. Вот фамилию его не припомню – то ли Еремин, то ли Ермаков... Вот ему это дело и поручу! Его никакой Тарасов не остановит!

– А я это дело открою, – отозвался заместитель Генпрокурора. – И Геннадия Илларионовича спрашивать не стану – зачем? Ведь я не должен знать, что деятельность этого Николова поощряется свыше...

– Совершенно правильная позиция! – одобрил Игорь Юрьевич. – Пусть ваш следователь роет землю, собирает материал. Когда его будет достаточно, можно будет ставить во-

прос об аресте счетов этого Николова и избрании меры пресечения.

– С арестом счетов не все так просто, – покачал головой Крутых. – Насколько я помню, у него счетов на собственное имя не существует. Скользкий, гад, не ухватишь...

– Ничего, мой следователь найдет за что ухватить, – заверил Чубушный.

– Вот и отлично, – заключил Безбородов. – А я, со своей стороны, постараюсь подключить Точилина и главу Следственного комитета. Не может быть, чтобы они поддержали этот бандитский сговор! А когда мы наберем достаточно материала, наши позиции укрепятся. Тогда можно будет выйти и на Самого...

– Правильная линия, – кивнул головой Шаповалов. – Что ж, если с этим вопросом мы закончили, давайте перейдем к следующему.

Отставной генерал, глава организации «Щит Родины», то и дело брал на себя роль руководителя их совещаний – роль, которая по всем критериям должна была принадлежать, конечно же, Безбородову. Игорь Юрьевич до поры терпел эти претензии, но чувствовал, что долго так продолжаться не может и придется ему поставить ветерана на место. Но не сейчас. Еще не сейчас.

– Следующим у нас идет вопрос о визите группы наших парламентариев в США, – сказал он. – Подробности обещал рассказать Виктор Петрович. Как, Виктор Петрович, вы го-

товы?

– Разумеется, – ответил заместитель Генпрокурора. – Итак, в прошлом месяце, как вы знаете, группа депутатов Государственной думы в количестве пяти человек побывала с официальным визитом в Америке. Там, помимо запланированных встреч в Конгрессе и Госдепартаменте, у некоторых членов делегации состоялись секретные встречи и беседы с антироссийски настроенными политиками и бизнесменами. Так, например...

И он начал излагать подробности прошедших встреч.

Глава 4

С бору по сотенке

– Значит, ты точно помнишь, что он это признал? – спросил Ермолаев у своего собеседника.

– Совершенно точно, товарищ следователь, – отвечал сидевший по другую сторону стола парень. – Он даже дважды это сказал. Один раз, значит, вначале – ну, когда он, типа, речь произносил. А потом еще раз, когда ему вопросы стали задавать. Его тогда один мужик спросил: «А чем вы, значит, будете эти проценты обеспечивать?» То есть, короче, откуда деньги? А он тогда говорит: «Выплата процентов будет обеспечена вложениями...» Ну, как точно, я забыл. Вот, давайте послушаем, у меня тут все записано.

И он включил лежавший перед ним на столе диктофон; поискал, нашел нужный фрагмент. Следователь Ермолаев фрагмент выслушал, сделал парню знак – выключай, мол, хватит – и сделал у себя в блокноте еще одну пометку. Допрос свидетеля был неофициальный – беседа, а не допрос, поэтому протокол не велся. Да и свидетель, сидевший перед Ермолаевым, был особенный – студент третьего курса местной Академии права, без пяти минут будущий коллега. Таких студентов, которые не просто просиживали штаны на занятиях, а уже в годы учебы активно делали карьеру, охотно

сотрудничали со следователями и оперативниками, в полиции ценили. И ничего, что таким сотрудникам, как правило, не хватало грамотности – как юридической, так и обычной, не хватало опыта, знания психологии и понимания момента, – все эти недостатки искупались энергией и исполнительностью.

Вот и сейчас: парень по заданию Ермолаева не только сходил на собрание, которое проводил в их городе организатор пирамиды «ННН», не только задал там все нужные вопросы, но и записал все услышанное на диктофон и готов был подтвердить каждое слово. И не его вина, что добытые им сведения практически ничего не стоили: их нельзя было использовать как доказательство обмана и мошенничества со стороны организатора «ННН». Наоборот: если бы такой свидетель выступал в суде, то получилось бы, что он является свидетелем защиты, а не обвинения. Ведь из его показаний следовало, что гражданин Николов Н. Г., 1958 года рождения, уроженец Днепропетровска, зарегистрированный в городе Москве, на встрече с гражданами, которых он убеждал стать членами создаваемой им финансовой организации, дважды предупреждал собравшихся о том, что эта организация является финансовой пирамидой. А стало быть, признаков обмана и мошенничества в его действиях не усматривается.

Уже вторую неделю следователь Олег Ермолаев колесил по Сибири. Он ездил по городам, где незадолго перед этим

устроивал свои встречи Николов. Он встречался с участниками этих встреч, с самыми разными людьми, подолгу с ними беседовал. В последний раз, узнав о предстоящем собрании в Омске, он заранее, по телефону, послал на встречу вот этого самого парня и таким образом получил проверенный, надежный источник информации. Однако и это не слишком приблизило Ермолаева к достижению поставленной перед ним цели: набрать достаточно материала, чтобы упрятать мошенника Николова за решетку, причем на этот раз – надолго. Все выглядело таким образом, что на сей раз организатор мошеннической пирамиды сумел заранее защититься от обвинений. И скорее всего, сделал это не сам: кто-то ему помог.

Впрочем, и заместитель министра Семен Семенович Чубушный, поставивший перед Ермолаевым задачу собрать материал на Николова в рамках открытого прокуратурой уголовного дела, намекал, что у преступника появились высокие покровители и прищучить его будет не просто. Однако Ермолаева это не смутило, и он уверенно заявил генералу, что с задачей справится и не позже чем через месяц представит достаточно доказательств, чтобы упрятать обвиняемого за решетку. А еще через два месяца уголовное дело будет готово для передачи в суд. Однако прошло уже десять дней из назначенного самим следователем срока, а дело пока не слишком продвинулось вперед.

– Ты эту запись мне скинь, – сказал Ермолаев парню. – Я ее потом еще прослушаю. А пока скажи: еще какие вопросы

ему задавались?

– Какие вопросы... – парень наморщил лоб, припоминая. – Несколько человек спрашивали, когда можно будет получить деньги и как это сделать.

– Ну и что он отвечал?

– Ну отвечал, что в первый раз деньги можно будет получить через две недели, не раньше. А иначе, говорит, зачем вкладывать, если хотите сразу забрать? Чтобы получить, нужно обратиться к своему десятнику или сотнику. Он возьмет деньги из своей ячейки и отдаст. А если в ячейке в данный момент такой суммы нет, тогда обратится к другой ячейке.

– Десятник – это тот, кто привлек десять участников, а сотник – кто сотню, так?

– Верно. И это... не просто привлек, а ведет все их дела. У кого сколько на счету, все такое...

– Ладно. Еще что спрашивали?

– Вот про этих спрашивали – про сотников. Как стать сотником, какие условия.

– Понятно... – пробормотал Ермолаев и сделал себе в блокноте пометку: «Сотники». Возникла мысль: если не удастся привлечь самого Николова, то можно открыть дела на его помощников, этих самых сотников. Они, небось, тоже ведут агитацию, что-то объясняют. И вряд ли они все так же определенно говорят, что их организация – это пирамида. Наверняка золотые горы сулят! И потом – распоряжаются

чужими деньгами, осуществляют махинации. За это вполне можно привлечь.

– И что, много желающих стать этими сотниками? – спросил следователь.

– Полно! Они ведь дополнительный процент получают за привлеченных новых участников. Однако этот... Николов сказал, что в сотники он берет не всех. А только тех, кто отвечает определенным требованиям.

– Ладно, ты пока иди, – сказал Ермолаев свидетелю. – Вот мой диктофон, запись скинь и иди. Если понадобится, вызову.

Отпустив парня, Ермолаев встал и прошелся по кабинету. Так, на ходу, лучше думалось. Итак, что получается? Гражданин Николов, уже однажды осужденный за финансовые махинации, ездит по городам страны, устраивает собрания и на этих собраниях предлагает людям вступить в созданную им финансовую организацию. Нигде, между прочим, не зарегистрированную и не имеющую правового статуса. То есть, попросту говоря, предлагает отдать ему деньги. Есть тут признаки мошенничества? Несомненно, есть.

Далее, Николов призывает граждан стать его помощниками, десятниками, сотниками и тысячниками, обещая им за это вознаграждение. То есть вовлекает их в свою преступную организацию. Таким образом, совершаемое преступление становится групповым, что утяжеляет вину участников группы. Налогов с получаемых доходов вкладчики «ННН»

не платят, нарушая налоговое законодательство.

Все это звучит убедительно, для любого суда таких доводов хватит. Особенно если они подкреплены свидетельскими показаниями. А этих показаний Ермолаев за десять дней собрал уже на два тома дела. Так что, с одной стороны, первую задачу можно считать выполненной: уже сейчас можно обращаться в суд — здесь, в Омске, или в Новосибирске, где Николов выступал позавчера, или в Заусольске, где состоялось его первое выступление. За решетку его можно будет упрятать. Но дальше что? С чем выходить на процесс? Вот тут начиналась заминка. Доказать факт обмана, а стало быть, и мошенничества будет трудно: ведь Николов постоянно предупреждает, что вклады участников ничем не обеспечены и есть риск, что создаваемая им структура является пирамидой. То есть он добросовестно ставит участников организации в известность о возможности потерять деньги. И если даже судья в том же Омске не примет этот факт во внимание и приговорит Николова за мошенничество к определенному сроку, то такой приговор позже может быть легко обжалован. А это не только брак в работе (чего Ермолаев старался не допускать). Это будет означать, что возбудить новое дело против обманщика будет сложно.

Кроме того, как доказать, что Николов присваивает чужие деньги? Своего счета у него нет, средств ему никто не перечисляет. Всеми деньгами распоряжаются сотники и тысячники. Вот и выходит, что надо заниматься этими офицерами

армии Николова. Только так удастся прищучить их главнокомандующего. Так сказать, собирать с бору по сосенке. А в нашем случае – по сотнику.

Итак, надо решить: достаточно ли материала, чтобы вызвать на допрос создателя пирамиды, предъявить ему обвинение и избрать такую меру пресечения, как арест? Ермолаев вновь сел к столу и стал перелистывать собранные документы. Так, это показания свидетелей... протоколы допросов директора Дома офицеров в Заусольске, директора цирка в Иркутске, директора филармонии в Новосибирске – тех руководителей, что предоставляли аферисту помещения. А, вот любопытный материал: показания журналистки из Заусольска Надежды Заикиной. Любопытен этот материал не только своим содержанием, но и личностью свидетельницы. Заикина пришла к нему без вызова, сама. Прямо рвалась дать показания против Николова. Какое-то глубоко личное отношение к мошеннику у нее было, личная ненависть. Хотя сама она, как уверяла следователя, ни в каких пирамидах денег не теряла. Что ж, бывает такое личное неприятие обмана. Ермолаев и сам был такой.

Среди прочего свидетельница Заикина сообщила, что Николов во время своих встреч применяет приемы гипноза и коллективного внушения: манипуляции со светом, с голосом, особый «жгучий» взгляд... Это было интересно. Это можно было использовать. Надо только заручиться мнением экспертов, чтобы не провинциальная журналистка, а веду-

щие специалисты подтвердили, что внушение действительно имело место.

Кстати, об экспертизе! Он уже заказал в Москве проведение экспертной оценки николовской схемы. Если крупные ученые авторитетно заявят, что схема «ННН» устойчиво работать не может и средства вкладчиков не могут быть возвращены, то тем самым будет доказан факт обмана. Ведь Николов на каждой встрече заявляет, что он разработал некий механизм, позволяющий вернуть деньги даже в случае прекращения деятельности. Надо узнать, готова ли экспертиза.

Ермолаев набрал номер, терпеливо выслушал длинную серию гудков, а затем раздраженный голос руководителя экспертной группы. Оказалось, что ученый уже покинул свое рабочее место и находился в данный момент на даче, и звонок следователя оторвал его от заслуженного отдыха. Ладно, переживет. Ермолаев произнес полагающиеся извинения, а затем спросил главное, ради чего звонил: готова ли экспертиза? Оказалось, что готова на 80 процентов. Даже, пожалуй, на 90. Осталось только все оформить – и можно получать.

– И когда можно будет ее увидеть? – спросил Ермолаев.

– Да, пожалуй, через неделю, – отвечал эксперт. – Хотя нет, давайте заложим для верности еще два-три дня. Через десять дней.

– Почему так долго? – возмутился Ермолаев. – Вы же сказали: «Готова на 90 процентов»!

– Спешка в нашем деле неуместна, молодой человек! –

строго заявил голос в трубке. – Каждый наш вывод всегда строго выверен и научно доказан. И стиль изложения тоже играет важную роль. Подобный материал нельзя писать кое-как!

– Хорошо, а в общих чертах вы мне можете сообщить результаты вашей работы? – спросил следователь. – Хотя бы главные выводы? Мне это очень важно!

– Хорошо, главный вывод могу сказать, – сжалился его собеседник. – Все эксперты – а над вашим заключением работали трое – сошлись во мнении, что функционирование организации «ННН» не является замкнутым. Эта организация носит принципиально открытый характер. То есть она может существовать, только постоянно получая финансовую подпитку извне.

– То есть это означает, что в случае остановки деятельности вернуть деньги всем вкладчикам невозможно? – уточнил Ермолаев.

– Совершенно верно, – подтвердил его собеседник.

– И никакой резервный фонд не поможет?

– Вопрос о так называемом резервном фонде у нас вынесен в отдельную главу, – объяснил руководитель экспертной группы. – Вы меня просили сказать вам главный вывод, я и сказал. А эту главу еще надо редактировать.

– Огромное вам спасибо! – ответил Ермолаев и повесил трубку.

Что ж, это уже было кое-что. С таким заключением, да с

показаниями многочисленных свидетелей уже можно и в суд идти. А если добавится еще одно заключение, от психологов, специалистов по гипнозу – это уже будет вполне полноценное дело.

Впрочем, до суда еще далеко. Теперь пора вызвать на допрос самого обвиняемого. Он и так с этим здорово затянул. Надо сказать, Ермолаев сделал это вполне сознательно. Зачем заранее предупреждать врага о готовящемся нападении? Правильнее нанести удар, когда будут собраны главные улики. А в случае, если будет жалоба адвокатов (а у такого гуся наверняка будет не один адвокат, а целая группа) – почему, мол, не поставили вовремя в известность, у Ермолаева будет хорошая отмазка: обвиняемый постоянно переезжал из города в город, найти его и вызвать на допрос было невозможно.

Вот теперь можно и вызывать. Где он у нас проживает? Ага, в гостинице «Ермак». Ну конечно, такой человек должен жить в самой лучшей гостинице, в номере люкс. Вот туда я завтра утречком и позвоню. Извольте, мол, Николай Георгиевич, явиться. И не когда-нибудь, а через час. У вас встреча? Какая встреча? Ничего не знаю, будьте любезны явиться в кабинет следователя.

А не придет – так еще лучше. Запишем в деле: уклоняется от явки. Так будет легче получить в суде согласие на арест. Хотя какой суд откажется арестовать такого человека, как Николов? Посмотрел бы я на такого судью!

Олег Николаевич взглянул на часы, затем в окно, за которым темнели сумерки. Ого, уже девятый час! Можно и заканчивать. Он собрал бумаги, запер сейф и направился к выходу.

...Семен Семенович Чубушный не случайно поручил вести «дело Николова» именно следователю Ермолаеву. Олег Николаевич выделялся среди коллег, и выделялся довольно сильно. Отличия начинались уже с биографии.

Олег Ермолаев закончил школу в памятном 1990 году. Сверстники боялись армии как огня – из казарм чуть не каждый день приходили новости о самострелах, повешенных, забитых до смерти, о целых взводах, подавшихся в дезертиры. А Олег не то чтобы не боялся – просто податься было некуда. Рос он без отца, мать поднимала его в одиночку – откуда взять деньги врачу или военкому, чтобы освободить единственного сыночка от армейского ужаса? Защититься вузом Олег тоже не мог – учился он не слишком прилежно, оценками не блистал. Зато многолюдная школа на окраине и улица с ее жестокими нравами научили его стоять за себя и правильно выстраивать отношения с людьми.

Армия эти умения еще укрепила и развила. Ничего плохого с ним вопреки материнским опасениям ни в учебке, ни в части не случилось. Может, потому, что Олегу, можно сказать, повезло: служил он не в мотострелковых частях, которые (наряду со стройбатом) считались самым рассадником дедовщины, а в артиллерии. Хотя и у них, конечно, были

свои «дедушки» и были неприятные моменты – как без этого? Но Олег Ермолаев успешно прошел через эти испытания.

Выдержал он и другое испытание – ностальгию по беззаботным армейским годам. Нет, он вовсе не считал их лучшим временем в жизни. Олег смотрел не назад, а вперед. Теперь, в 19 лет, ему хотелось учиться. И еще в нем крепла страсть к справедливости. Она жила в Олеге еще со школы – видимо, это было его собственное, природное. А в армии укрепилась благодаря сержанту Мулгоджонову – здоровенному таджику, который своими кулаками поддерживал в роте справедливость, в своем ее понимании.

Ермолаев проработал год на заводе, а затем пошел в милицию – рядовым в полк ППС. Прошел еще год службы – и он с отличными рекомендациями поступил в юридический институт МВД.

Внешне он не слишком отличался от своих сверстников; можно даже сказать, повторял их путь. В те годы все кругом самозабвенно изучали право, юридические вузы множились, как грибы после дождя. Олег встречал своих школьных товарищей, которые учились по тем же учебникам, что и он, – кто в Академии права, кто на юрфаке университета. Но сходство тут было чисто внешнее. Они мечтали стать известными адвокатами, прокурорами; пределом мечтаний была должность судьи. Считалось, что человек, достигший такого места, не будет знать никаких проблем – и уже никогда. А Ермолаев с самого начала хотел стать именно следова-

телем. Он не хотел зарабатывать на преступности – он хотел с ней бороться. Искоренять ее. Формула капитана Жеглова «Вор должен сидеть в тюрьме» стала его жизненным принципом. И как только он закончил институт, как только получил свое первое дело, то начал осуществлять это свое желание – наказывать преступников.

При этом Ермолаев вовсе не был тупым исполнителем или жестоким фанатиком, стремившимся посадить за решетку как можно больше людей. Нет, он видел разницу между чиновником, каким-нибудь председателем комитета в мэрии, укравшим десяток миллионов из городского бюджета, и многодетной матерью, исправившей цифры в документах, чтобы лишние полгода получать грошовое пособие. Дело такой исправительницы документов он стремился переквалифицировать по более мягкой статье, а то и вовсе закрыть – если была такая возможность. Зато чиновник получал у него по полной.

Особую же ненависть Олег Ермолаев питал ко всякого рода мошенникам, любителям обмануть сограждан – а таких в девяностые и нулевые годы развелось достаточно. Он преследовал их с упорством наемного убийцы, выслеживающего жертву, и вцеплялся в них, как клещ. Немало он вывел их на чистую воду за 15 лет следовательской работы. К сожалению, не всех ему удалось упрятать за решетку: некоторые умело пользовались прорехами в законодательстве, так что на них нужной статьи не находилось, а у некоторых оказыва-

лись высокие покровители, которые закрывали успешно начатое Ермолаевым расследование. Последние случаи он переживал особенно болезненно. Но Олег не носил розовых очков, понимал, среди каких людей живет, и, пережив очередную неудачу, вновь упорно принимался за дело.

Работа всегда была для него главным в жизни, все остальное находилось как бы на периферии. Там, на периферии, помещались и женитьба, и жизнь с женой Любой (вполне дружная, согласная жизнь), и рождение сына, а затем и дочери, и их садиковские, а затем школьные успехи, и отдых, и всякого рода увлечения. Собственно, и увлечений особых не было, кроме собирания сведений о военной технике разных стран. Вначале такие вырезки оформлялись в альбомы, занимавшие немало места, а затем, с появлением дома компьютера, превратились в бесплотные электронные файлы.

Да, Ермолаев не носил розовых очков, он был реалистом. И он видел, как его сослуживцы приобретали вначале «Волги» и «девятки», на которые, по всем расчетам, их зарплата никак не должно было хватить, а затем пересаживались с них на новенькие «Ауди» и «Шевроле». Как ездили каждый год на отдых за границу, забираясь во все более далекие и дорогие места. Как строили коттеджи и покупали дорогую мебель. Да, все это он видел и понимал значение и смысл этих приобретений. И при этом он не впадал в отчаяние, которое заставило бы его бросить службу, и не стремился непременно разоблачить преступников в собственных рядах, ведь это

могло бы совсем плохо для него кончиться. Он только крепче стискивал зубы, услышав об очередном таком приобретении, и с еще большим ожесточением принимался за новое дело.

Однажды в передаче «Что? Где? Когда?» – единственной программе, которую Ермолаев регулярно смотрел по телевизору (чаще всего в записи), он услышал о философии стоиков, которые учили, что человек должен уметь мириться с тем, что он не может изменить, и направлять свои усилия только на то, что поддается изменению. «Старайся выполнить свой долг, остальное же предоставь богам», – учил какой-то античный мудрец, имя которого Ермолаев не запомнил. Имя не запомнил, а изречение накрепко засело в его памяти. Он понял, что всю жизнь следовал этому учению, не зная, как оно называется. С этого момента он обрел прочную опору в жизни.

Потому следователь Ермолаев заслужил у начальников и сослуживцев репутацию человека со странностями, но в то же время исполнительного работяги, которому можно было поручить самое сложное и тонкое дело. Как, например, дело организации с названием «ННН».

Глава 5

Поздний звонок

Уф, устал! Алексей Константинович откинулся на спинку кресла, снял очки, потер переносицу. Нет, так нельзя! Нельзя столько времени работать! И никакие соображения этого не оправдывают. Кстати, а сколько времени?

Он взглянул на экран компьютера. Ого, почти девять! Черт, опять засиделся до ночи! А ведь обещал жене прийти пораньше. Ладно, все! Сейчас он выйдет – и домой. Пусть не к семи, как все обычные люди, но к десяти будет дома. Хотя бы поужинают с женой вместе. А дела подождут. Все их не переделаешь.

Тарасов повел мышкой, закрывая на экране одно окошко за другим, нажал команду «Завершить работу» и, не дожидаясь выключения, подхватил портфель и направился к выходу. Он уже взялся за ручку двери, когда на столе раздался мелодичный звонок, и голос вечерней секретарши сообщил:

– Звонит министр внутренних дел Николай Демьянович Белозерский. Соединить?

Вице-премьер тяжело вздохнул. Ведь собрался же уходить! Всю работу бросил, чтобы выполнить обещание, данное жене! Однако министр внутренних дел был не тот человек, звонком которого можно было пренебречь. Звонил

он Тарасову крайне редко и всегда по важным поводам. Поэтому Алексей Константинович с тяжелым сердцем ответил: «Соединить» и вернулся к столу.

В трубке щелкнуло, и Тарасов услышал знакомый голос министра.

– Приветствую, Алексей Константинович, – сказал главный полицейский начальник. – Тут разговор один есть. Тема важная.

– Что ж, если важная, подъезжайте, – отреагировал Тарасов, поняв, что разговор действительно предстоит серьезный – собеседник не доверял даже правительственной связи, трижды проверенной и защищенной, и настаивал на личном свидании с глазу на глаз.

– Через пятнадцать минут буду, – заверил министр. – Да, вы это... пригласите еще вашего помощника... ну, который тогда на совещании о проекте докладывал.

– Алмазова? – догадался Алексей Константинович.

– Вот-вот, Алмазова, – подтвердил министр. – Пригодится.

После чего отключился.

Тарасов со вздохом вновь включил компьютер, нашел в нужной папке сотовый номер своего референта и набрал его. В ведомстве, которым руководил Алексей Константинович, не было принято допоздна засиживаться на работе. Поэтому вице-премьер не ожидал, что Егор Алмазов немедленно откликнется на его зов и будет где-то поблизости. Его телефон

мог быть вообще отключен.

Однако референт откликнулся, и довольно быстро.

– Добрый вечер, Алексей Константинович! – приветствовал он начальника. Фоном для его голоса служил многоголосый гул, и Тарасов понял, что его подчиненный находится в каком-то людном месте. – Что-нибудь нужно?

– Да, Егор Борисович, к сожалению, тут возникла необходимость в вашем присутствии, – отвечал Тарасов. – Вы где находитесь?

– Да вот, решил тут в театр сходить, в «Табакерку», – смущенно сообщил Алмазов. – Тут как раз антракт, поэтому вы мне и смогли дозвониться, а то у меня телефон был выключен. Но это ничего, я сейчас подъеду!

– Я пришлю за вами машину, – пообещал Тарасов. – Ждите у подъезда.

И, включив телефон секретаря, отдал необходимое распоряжение.

Спустя двадцать минут участники незапланированного совещания были в сборе. Алексей Константинович усадил гостей за небольшой овальный столик в углу кабинета (он был предназначен как раз для таких бесед в узком кругу), попросил секретаря подать кофе и, когда дверь за ней закрылась, спросил:

– Итак, Николай Демьянович, слушаем вас. Что за вопрос вы хотели обсудить?

Генерал Белозерский смахнул с кителя несуществующую

пылинку, внимательно взглянул на собеседников и сказал:

– Тема та же, что была на нашем совещании: деятельность фирмы под названием «ННН».

– И что же с этой фирмой? – осведомился вице-премьер. – Насколько мне известно, она успешно разворачивает свою работу. И уже есть первые результаты – в том смысле, о котором докладывал на совещании Егор Борисович.

– То есть вы хотите сказать, что бюджет уже получил какие-то деньги? – уточнил министр.

– Да, получил, – подтвердил Тарасов. – И если этот вопрос вас интересует, об этом лучше расскажет Егор Борисович. Так что вы были правы – его присутствие при нашем разговоре необходимо. Прошу вас, Егор Борисович, расскажите нам о состоянии дел с «ННН» на текущий момент.

Референт, как видно, ждал этого вопроса. Все нужные цифры он, надо полагать, помнил наизусть, потому что не стал ни доставать из кармана бумажку, ни искать данные на телефоне, а сразу начал:

– К сегодняшнему дню отделения организации, созданной господином Николовым, открыты в 23 городах. Организация объединяет 1 миллион 240 тысяч вкладчиков. Их совокупные вложения на текущий момент оцениваются в 35 миллиардов рублей – хотя это число постоянно меняется.

– Вы скажите главное: бюджет что-то от этого получил? – резко спросил Белозерский. – Страна получила?

– Да, две недели назад мы получили первый транш в раз-

мере... извините, я сейчас уточню...

Теперь, видимо, желая быть точным, Егор Алмазов полез в карман и достал записную книжку. Полистал ее, нашел нужную страницу.

– Получили транш в размере 340 миллионов 122 тысячи рублей, – сообщил он. И, словно извиняясь, добавил: – Это, конечно, не так много, но деятельность организации только разворачивается...

– Почему же немного? – не согласился с ним министр. – 340 миллионов – вполне приличная сумма. А куда, если не секрет, пошли эти деньги?

Последний вопрос был задан небрежным тоном, как бы между прочим. Однако Алексей Константинович сразу понял, что именно этот вопрос является для Белозерского основным; возможно, он и эту вечернюю встречу устроил, чтобы получить на него ответ. Поэтому, опережая подчиненного, он сказал:

– Давайте на этот вопрос отвечу я. Сразу же после совещания, о котором вы, Николай Демьянович, сегодня вспоминали, Егор Борисович по моему распоряжению создал специальный фонд. В него и поступают средства, направляемые нам из «ННН». В размере одного процента всех средств, привлеченных этой организацией. Такова наша договоренность с ее создателем.

– И куда идут деньги из этого фонда? – продолжал допрашивать министр.

– Пока что никуда, – отвечал Тарасов. И, видя недоумение на лице генерала, пояснил: – Я с самого начал мыслил этот «фонд ННН», как я его про себя называю, как некое дополнение Резервного фонда. Дополнение, недоступное для его растаскивания по требованиям различных сил – депутатов, министров и других властных лиц, – в силу его неофициального, можно сказать, секретного характера.

– То есть деньги будут просто лежать без движения? – спросил Белозерский.

– Нет, Николай Демьянович, «просто лежать» они не будут, – объяснил Тарасов. – Помните, о чем я говорил на совещании? Надвигается глубокий экономический, а значит, и социальный кризис. Это не мои выдумки, это прогноз, который дают практически все экономисты. А что это значит? Что будут в массовом порядке закрываться предприятия, увольняться сотни тысяч людей. В особо бедственном положении окажутся моногорода, вся жизнь в которых зависит от работы одного предприятия. Потребуется огромные средства на поддержку населения: выплату пособий, разного рода программы по переобучению безработных... Есть и еще одно направление возможных трат. Теперь мы, наконец, вступили в ВТО, а значит, не можем напрямую оказывать государственную поддержку нашим предприятиям. Сейчас это не так критично, но после начала кризиса станет крайне важным. «Фонд ННН» позволит нам оказывать такую поддержку – и заводам, и фермерским хозяйствам, – не нарушая

запретов ВТО. Ведь это будет не государственная поддержка, а как бы частная, идущая из благотворительного фонда. Понимаете?

– Да, Алексей Константинович, вы все хорошо рассказали, – отвечал министр. – Вопросов у меня больше не осталось.

– Зато у меня есть один вопрос, – заявил вице-премьер. – Надеюсь, теперь вы объясните причину, которая заставила нас в такой поздний час собраться и давать исчерпывающие объяснения о работе созданного нами фонда? Ведь вы не из праздного любопытства назначили эту встречу!

– Да, не из любопытства, – согласился генерал. – Тут такое дело... Вам еще не сообщали, что на Николова завели уголовное дело?

– Как?! Новое дело? – воскликнул Тарасов. – И кто же?

– Должен признаться, что мои подчиненные, – удрученно признался Белозерский. – Я знать ничего не знал, честное слово! И вдруг сегодня смотрю сводку и узнаю, что следователь Ермолаев ведет уголовное дело в отношении Николова Н. Г.

– И на какой стадии это дело находится? – спросил вице-премьер.

– Да уже далеко продвинулось, – сообщил министр. – Два тома всяких материалов собрано. А вчера следователь ознакомил с делом самого Николова и взял с него подписку о невыезде.

– Подписку о невыезде? – воскликнул Егор Алмазов. – Но как же... как же он будет расширять организацию? Создавать новые отделения? А где взята эта подписка?

– В Омске, – отвечал Белозерский.

– Да, ну и новость... – пробормотал Тарасов. – А что – вы не предупреждали своих подчиненных, что в отношении Николова не следует проявлять активности?

– Нет, не предупреждал, – отвечал генерал. – После того совещания, как мы и договорились, я распорядился, чтобы с него сняли подписку о невыезде, под которой он тогда находился. И решил, что это своего рода сигнал для моих заместителей. Что они сами должны понять, что Николова трогать не надо. Потому что если бы я стал их специально вызывать и предупреждать...

Министр развел руками.

– Это выглядело бы подозрительно, – закончил за него фразу Тарасов. – Что ж, это разумно. Но, выходит, кто-то из ваших замов вас не понял...

– Да, Семен Чубушный дал задание следователю начать это дело, – подтвердил Белозерский. – А прокуратура тут же дала на это свою санкцию.

– Ну, в отношении позиции Петрова у меня иллюзий не было, – сказал Алексей Константинович. – А вот с вашей стороны, Николай Демьянович, я неприятностей не ожидал...

– Так ведь я же говорю: я и сам не ждал... – генерал прижал руки к груди.

– Я все понял, – остановил его вице-премьер. – Ситуация мне понятна. Вопрос в том, как из нее выйти.

– Понятно как, – сказал Алмазов. – Вы открыли это дело, вам его и прекращать. Надо дело закрыть и подписку с Николова снять. Что тут сложного?

– Все не так просто, – покачал головой Белозерский. – Раз дело открыто законным порядком, теперь уже прокуратура не даст его закрыть. Надо обращаться к Петрову... А пока против человека открыто уголовное дело, должна быть избрана мера пресечения.

– Ну вот это как раз не факт, – не согласился Тарасов. – Что, мы не знаем случаев, когда дело возбуждено, а его фигурант спокойно сидит дома? Знаем. Так что свяжитесь с вашим следователем и прикажите снять эту дурацкую подписку. А то из-за нее мы потеряем сотни миллионов рублей. А они нам ой как пригодятся – и в самом недалеком будущем!

– И еще неизвестно, как Николов себя поведет, узнав, что его заперли в этом Омске, – заметил Алмазов. – Он человек неуправляемый и непредсказуемый. Может совершить самый неожиданный поступок.

– Например? – спросил Тарасов.

– Например, уехать из Омска и где-нибудь затаиться. Так что мне его будет невозможно найти. И будет ли он после этого перечислять деньги в наш фонд? Может и прекратить эти отчисления. Ведь он может расценить возбуждение уголовного дела как нарушение наших договоренностей.

– Ну это вряд ли, – покачал головой министр внутренних дел. – Он же понимает, что для него самого разрыв отношений несет гораздо больше неприятностей, чем для нас. Дело ведь можно продолжать и довести его до суда. Он один раз уже сидел в тюрьме, вряд ли захочет повторить этот опыт.

– Во всяком случае, я прошу вас, Егор Борисович, срочно связаться с Николовым, – сказал вице-премьер. – Объясните ему сложившееся положение, заверьте, что дело будет вскоре прекращено, подписка с него снята и что наши договоренности остаются в силе.

– Хорошо, я позвоню прямо сейчас, – сказал Алмазов. Достав телефон, он поднялся, чтобы не мешать собеседникам, нашел нужный номер и нажал кнопку вызова.

Между тем за овальным столом продолжалась беседа.

– Скажите, Николай Демьянович, – обратился Тарасов к своему собеседнику, – а этот ваш заместитель...

– Чубушный, – подсказал министр.

– Да, этот Чубушный – вы уверены, что он по своей собственной инициативе возбудил это уголовное дело и дал задание следователю? У вас это такая практика, когда подобные задания дают ваши заместители?

– Нет, такой практики у нас нет, – отвечал Белозерский. – Дела обычно возбуждаются по представлению прокуратуры или иных государственных или муниципальных органов, а также граждан. Они обращаются в соответствующее местное управление внутренних дел, и оно уже начинает действовать.

В случае с Николовым прокуратуры должна была обратиться по месту его регистрации, то есть в московское УВД.

– А вам не показалась странной такая активность вашего зама в этом вопросе? – спросил Тарасов.

– Да, действительно странно, – согласился министр. – Я сперва как-то не обратил на это внимания. Меня больше забавил сам факт нарушения нашей с вами договоренности. Поэтому я и поспешил вам позвонить и назначить эту встречу. Я, Алексей Константинович, вообще-то человек слова. Если я тогда на совещании обещал оказывать вам содействие – значит, так и должен поступать. А еще я подумал – а не изменилось ли что в ситуации с этим Николовым? Потому так и расспрашивал вашего референта.

– Однако кое-какие сомнения у вас все же остались, – сказал Алексей Константинович, проницательно взглянув на своего собеседника. – Иначе вы не стали бы так настойчиво расспрашивать, куда пошли деньги, полученные от «ННН».

– Да, вы правы, – признался генерал. – Хотелось все узнать точно. Но теперь вопросов больше не осталось.

– Я ценю вашу искренность, Николай Демьянович, – отвечал вице-премьер. – Я тоже считаю вас человеком слова. Но теперь, когда мы прояснили позиции, обратите внимание на своего зама. Постарайтесь выяснить, чем объясняется такая его активность.

– Постараюсь, – пообещал Белозерский.

В это время Егор Алмазов возвратился к столу. Вид у него

был удрученный.

– Не отвечает, – сказал он, разведя руками. – Номер абонента недоступен.

– И что же это означает? – спросил Тарасов.

– Боюсь, что ничего хорошего, – отвечал его референт.

Глава 6

Гость из прошлого

Доход за неделю получался какой-то уж слишком большой. Цифры на экране компьютера выглядели приятно и тешили сердце. Однако Кунцевич стер запись и начал расчеты сначала. Он привык все делать основательно, ничего не оставлять «на потом». Вдруг ошибка вкралась? Нет, все должно быть точно.

Послышался щелчок домофона, и Кунцевич услышал голос жены:

– Володь, ты чего тянешь? Банька уже готова, спускайся!

– Ты парься пока без меня, – отвечал Кунцевич. – Мне дела надо доделать. Доделаю, тогда уж париться буду.

– Ну как хочешь, – ответила жена и отключилась.

Это он в прошлом году придумал – установить в доме внутреннюю связь. Дом большой: два этажа, да мансарда, да подвальный этаж с гаражом и сауной, – всюду не докричишься. До прошлого года звонили друг другу по сотовому, но это было не совсем удобно. А теперь стало прямо как на заводе, где когда-то трудился слесарь-сборщик Владимир Кунцевич. С любым домочадцем можно быстро связаться.

Владимир Яковлевич снова углубился в расчеты. Странная получалась картина: выходило, что в сентябре фура – ос-

новой поставщик денег в хозяйстве Кунцевича – принесла меньше дохода, чем каждая из двух «Газелей». Этого быть не могло, тут была какая-то ошибка. Кунцевич снова принялся проверять счета – и нашел-таки, где собака зарыта. Просто один счет, который принесла «Газель» – за обслуживание свадьбы, – был посчитан дважды. Владимир Яковлевич заново подвел баланс и остался доволен – теперь доход был в пределах средней недельной нормы, чуть больше двадцати тысяч. Теперь можно было и в сауну идти. Владимир Яковлевич записал данные в особую тетрадку, выключил компьютер и направился в подвал, париться.

По дороге он миновал холл, где тешила глаз недавно купленная дорогая мебель и качали маятником старинные напольные часы, прошел через гараж, где блеснул лакированным боком новенький «Фольксваген», и наконец окунулся в жар сауны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.